

Е.В. Сундуева

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Улан-Удэ

**Образная семантика орографической терминологии
в языке «Сокровенного сказания монголов»**

Аннотация: В данной статье рассматриваются орографические термины в языке «Сокровенного сказания монголов», восходящие к сфере образной лексики, составляющей обширный пласт лексики языков алтайской общности. Доминирующая роль образных слов в образовании терминов, номинирующих положительные формы рельефа, свидетельствует о том, что слуховое и зрительное восприятие, играющее важную роль в процессе вербализации визуальной информации, послужило основой номинации этих реалий.

The paper deals with orographic terms in the language of «Secret History of Mongols» with stems of figurative words. Such words forming a spacious layer of Altaic languages' lexica help to restore a visual image of objects and to get a full notion about their appearance. Dominant role of such terms proves important meaning of acoustic and visual perception in the process of nomination.

Ключевые слова: орография, семантика, словообразование, этимология, образность, форма, зрительное восприятие.

Orography, semantics, word-building, etymology, figurativeness, shape, visual perception.

УДК:821.

Контактная информация: Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1, каб. 117. ВСГАКИ, кафедра иностранных языков и общей лингвистики. Тел. (3012) 431081. E-mail: sundueva@mail.ru.

Тесная связь орографической терминологии с кочевой культурой народа отражена как в первых, так и последующих исторических и литературных памятниках монгольской письменности, охватывающих большой период в истории развития лексики монгольского языка. Развитая система орографических терминов свидетельствует о том, что формирование данного пласта терминологии началось задолго до зарождения письменности.

Анализ орографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» позволил выявить 27 терминов, релевантных для положительных форм рельефа, из которых около 60% не только функционируют самостоятельно в тексте рассматриваемого памятника, но и реализуются в составе сложных топонимов. Исследование каждого из этих наименований с точки зрения семантического наполнения, особенностей словообразования и этимологии показало, что 54% орографических терминов ССМ восходит к образной лексике, 22% произошло путем метонимического переноса.

Традиционно под образными словами понимаются слова, помогающие восстановить зрительный образ предмета и получить полное представление об их внешнем виде. Они составляют обширный пласт лексики языков алтайской общности и реализуются в виде глаголов и их форм, а также прилагательных и существительных.

Считается, что основы образных слов являются связанными и ныне почти не функционируют в языке в чистом виде. Однако данные современных монгольских языков свидетельствуют о том, что на древнем этапе их развития эти корневые основы в полной мере могли передавать признаки предметов. Так, в языке зафиксированы субстантивные лексемы, образованные от основ образных слов лексико-семантическим способом и имеющие ныне конкретное предметное значение: *бѳх* 'горб', *гох* 'крюк, крючок, багор', *данх* 'чайник', *дух* 'лоб, макушка', *дэрс* 'ковыль блестящий'; *навч* 'листья', *товх* 'шишка', *толь* 'зеркало', *цэли* 'мусс', *шовх* 'острие, пик' и др. На наш взгляд, эти существительные появились в языке как наиболее характерные «воплощители» передаваемого ими образа.

Подобные лексикализованные корни зафиксированы и среди орографических терминов в «Сокровенном сказании монголов»:

1. *keru* (3 ед.), мо. *хяр* 'гребень (возвышенности); макушка; горная цепь, предгорье', п.-мо. *kir-a*, бур. *хяра* – id. Термин широко представлен в языках алтайской общности: др.-тюрк. *кыр* 'плоскогорье', туркм. *гыр/кыр* 'твердая поверхность плато, плоских увалов; плоскогорье', кирг. *кыр* 'горный хребет; гребень горы', *кыркуу* 'ряд горных хребтов, расположенных один за другим', каз. *кыр* 'холмогорье; мелкосопочник', тув. *кыр* 'горный хребет; увал; возвышенность', хакас., алт. *кыр* – id., тунг.-маньчж. *кира* 'гребень горы; возвышенность; гряда' [Мурзаев, 1984, с. 327]. По определению В.А. Казакевича, это «остатки разрушенных горных пород, где уже не сохранилось главной оси хребта, а только ряды отдельных гряд и вершин приблизительно одинаковой высоты. Такие *xirā* тянутся на десятки километров во всех направлениях, представляя собой лабиринты, где очень трудно передвигаться. Пространство между грядами часто завалено зыбучим песком, образовавшимся из распада самого горного массива или наносимого со стороны» [Казакевич, 1934, с. 27].

Такое определение термина позволяет сопоставить основу *хяр* с образными прилагательными *хирвэгэр* 'ровный', *хирбээ* 'равно подстриженные (об усах)', глаголами *хярах* 'разрезать на тонкие, длинные кусочки', *хирвэх* 'подравнивать, ровно подстригать', бур. *хиргаха* 'срезать, стричь' и др. Приведенный словообразовательный ряд дает возможность предположить, что в древней основе **хяр* / *хир* / *кыр* (возм. *хээр*) заложено значение 'ровный', которое также реализовалось в лексеме *хяр* 'накладка (на передней и задней луке седла); обруч (луки седла)'.

По всей вероятности, образ 'нечто ровное' в корнях **kir/* **ker* развился на базе образа 'нечто ровно нарезанное, отрезанное ножом, ножницами', продиктованного звукоподражательными глаголами: п.-мо. *kiraqu*, мо. *хярах* 'крошить, мелко резать' (ср. *хэрчих*), бур. *хирмаха* 'чистить скребком; резать'; п.-мо. *kiryaqu*, мо. *хяргах*, бур. *хиргаха* 'стричь (ножницами)'. Тюрк. *қырқ* 'стричь; брить; резать; истреблять' большинство ученых сближают с мо. *хирга-* [ЭСТЯ, 2000, с. 238]. В п.-мо. *kerčikü*, мо. *хэрчих*, бур. *хэришэхэ*, калм. *керчх*, ойр. *керчихе* 'резать, нарезать, мелко рубить, сечь', вероятно, также заложен звук *хэр-хэр*, издающийся в процессе работы ножом.

2. *qada* (5 ед.), мо. *хад(ан)* 'скала, утес, каменная гора', п.-мо. *qada*, бур. *Хада* – id. Ср. алт. *кадалгак* 'утес, скала', тунг.-маньчж. *када*, тюрк. *кая* 'скала, гора' [Мурзаев, 1984, с. 587]. Для выявления этимологии лексемы значимо наличие у нее другого значения: *хад* 'кислица, смородина высочайшая'. Высота кустарника достигает двух-трех метров. Тот факт, что значительный пласт названий растений и животных восходит к образной лексике, позволяет нам предположить, что древняя основа **хад* несла значение 'нечто высокое, возвышающееся'. Ср. глагольные формы *хадах* 'подниматься, устремляться кверху', *хадаах* 'поднимать, возвышать'. Некоторые производные фонетически близкой образной основы **гад* также, на наш взгляд, соотносятся с вертикальными, прямыми предметами: *гадас* 'кол, свая; нагель (большой деревянный или металлический гвоздь, употребляемый для скрепления частей деревянных конструкций); шпиль', *гадаргана* 'кучер-

ская прямая шляпа'. В ССМ термин используется в составе топонима *Keltekaigada* [§175, 191, 192], где *хэлтгий* 'покосившийся, кривой, косо́й'.

В процессе исторического развития языка корни образных слов, лексикализуясь, стали оформляться конечным согласным *-н* по аналогии с существительными, тем самым как бы закрепляя свою категориальную принадлежность: *далбан* 'широкая плоская лента' (у монгольского головного убора), *зууван* 'овал, эллипс', *орвон* 'кочка; расселина', *товон* 'бугорок', *тэвхэн* 'шестигранный предмет', *хавтан* 'плоскость' и др. Одним из примеров этого процесса является следующий орографический термин.

3. *hulqun* (1 ед.), мо. *олхон* уст. 'суша; холм', п.-мо. *olqan*. У С.А. Козина *hulqun* 'одинокая гора; неровное место, пригорок, холм' [Козин, 1941, с. 531]. Как отмечает Д.Г. Дамдинов, «по левой стороне р. Онон возвышаются три одиноких горки посреди степи. Все они имеют одинаковое название Ульхун, которое уточняется словами, указывающими направление их расположения: Верхний Ульхун (рядом с ней одноименная деревня), Нижний Ульхун и Средний Ульхун, рядом с которым расположена деревня Ульхун-Партия» [Дамдинов, 1976, с. 194]. Возводя название к бур. *улхан* 'наплыв на дереве', исследователь предполагает, что «данное слово, по-видимому, давно употреблялось со значением 'гора'» [Там же, с. 194].

Следует отметить, что термин *ульхун / ольхон* обладает достаточно высокой топонимической активностью (ср. о. Ольхон в Иркутской области, р. Ульхун-Чилик в Казахстане и др.). М.Н. Мельхеев в названии острова Ольхон выделяет основу *ой* 'лес' и суффикс *-хон*, при этом помечая, что «действительно, остров залесен, но незначительно; большая часть острова занята степями» [Мельхеев, 1969, с. 147].

Учитывая низкую продуктивность диминутивного аффикса *-хан* в топонимическом образовании, мы склонны возвести название острова Ольхон к лексеме *олхон / улхан*, которая наряду со значением 'наплыв на дереве', в древнемонгольском языке обладала ныне утраченным значением 'холм, бугор, пригорок; суша'. Сам термин *олхон / улхан* произошел от образной основы **олх / улх* 'нечто надутое, вздутое' (ср. бур. *улхай-* 'дуться'), которая далее с целью перехода в категорию существительных была оформлена конечным согласным *-н*.

Образные основы обладают определенным набором словообразовательных формантов, большая часть из которых обслуживает только эту сферу лексики (среди них *-май*, *-най*, *-рай*, *-цай*, *-маг*, *-наг*, *-раг*, *-даг*, *-цаг* и др.). Среди орографических терминов рассматриваемого памятника зафиксировано две лексемы, возникшие в результате аффиксации:

4. *boldaq* (5 ед.), мо. *болдог* 'бугор, холмик; кочковатая, неровная местность', п.-мо. *bolduy*, бур. *болдог* – id. Термин состоит из образной основы *болд* 'нечто бугристое, кочковатое' и суффикса *-г*, который достаточно продуктивен в сфере образных существительных: *балдаг* 'эфес, рукоятка', *довог* 'вершина горы, пик', *доег* 'ламская накидка (через плечо)', *монцог* 'бахрома; помпон', *тунтэг* 'род бууза, вареный в масле', *унжиг* 'перпендикуляр', *хавтаг* 'плоскость' и др.

В рассматриваемом памятнике лексема участвует в образовании трех оронимов: *Qorcuqui-boldaq* [§88], возможно, от *хорчгой / хорчгор* 'засохший, чахлый', *Doloan-boldaut* [§136, 282], где *долоон* 'семь', *Deliun-boldaq* [§97, 211], где *дэлүүн* 'селезенка' либо *дэлүү* 'широкий, необъятный'. Как известно, лексема *дэлүү* 'селезенка' в районах Восточной Монголии, выступая в роли местного географического термина, служит для обозначения мест на южных склонах гор, на солнцепеке.

5. *quburi* (3 ед.) встречается в «ССМ» в значении 'холм, увал': *doloan quburi dabatala* 'за семь увалов' [§56], *sinkekui naran quburi deere tasin bukui-tur* 'когда солнце скрывалось за холмом' [§171]. С.А. Козин сопоставляет термин с лексемой *kübügür* 'горбина, свод' [Козин, 1941, с. 532]. Действительно, в нем можно выделить образную основу **гүв* 'нечто возвышающееся, бугристое', ставшую произво-

дящей для таких орографических терминов, как *гүвгээр* ‘выпуклость, бугор’, *гүвэн* ‘увал, гряда; бугорок, холмик’, *гүвээ* ‘увал; сопка; бугор; возвышенность’. Аффикс *-р/ -рь* обнаруживается в таких производных от основ с образной семантикой, как *ангар* ‘щель, расселина’, *дэлбэр* ‘отмель’, *онгор* ‘ухаб’, *хонхор* ‘впадина, овраг’ и др.

Наряду с лексико-семантическим и аффиксальным способами словообразования, пополнение пласта орографической терминологии шло за счет субстантивации образных прилагательных:

6. *undur* (10 ед.), мо. *θндθр* ‘высокий; возвышенность; высь’, п.-мо. *öndür*, бур. *үндэр* – id. Термин представляет собой субстантивированное прилагательное, образованное посредством форманта *-р* от образной основы **θнд* ‘нечто высокое, возвышенное’ (ср. *θндийх* ‘приподниматься, подниматься’). В ССМ встречается в оформлении аффикса множественности: *undut-te* ‘на вершины’ [§164], а также в составе следующих топонимов: *Jejeer-undur* [§166], *Maou-undur* [§170, 173], где *муу* ‘плохой’, *Toqosaq-undur* [§12].

Первый компонент оронима *Toqosaq-undur* сопоставим с современными лексемами *төгцөг* ‘обуглившийся пенёк, головешка’, бур. *түгсэг* ‘пенёк’, которые мотивированы образной основой *түгс* ‘нечто выпуклое; сгорбленное’ (ср. бур. *түгсэгэр* ‘сутулый’, монг. *түгсийм* ‘выпуклый’, *түгсийх* ‘становиться выпуклым’). В данном случае название можно перевести как ‘выпуклый / горбатый холм’. Как отмечает Р.Г. Жамсаранова, в термине *түгсэг* наблюдается явление семантического сдвига: ‘пенёк’ > ‘невысокая горка, напоминающая пенёк’, в Восточном Забайкалье им обычно номинируют отдельно стоящие горы: *Токсоко*, *Туксук*, *Чучультинская Токсока* [Жамсаранова, 2003, с. 99].

Ороним *Terkune-undur* [§79] Д.Г. Дамдинов переводит как ‘высота быстрой’. Ныне в Кыринском районе Читинской области есть село Турген и реки Западный Турген и Восточный Турген, берущие начало с Тургеновской горы. Автор предполагает, что именно об этой горе, получившей свое название от названий речек, идет речь в «Сокровенном сказании монголов» [Дамдинов, 1976, с. 184]. Предпочтительнее выглядит интерпретация *Тэргүүн үндэр* ‘главная вершина’ Ц. Дамдинсүрэна (ср. *ноен оргил* ‘главная вершина’, *ноен орой* ‘пик’).

7. *qabcal* (5 ед.), мо. *хавцал* ‘ущелье, теснина, горный проход, глубокое ущелье у подножия горы, балка’, п.-мо. *qabçil*, бур. *хабсал* ‘скала; теснина’, *хабишал* ‘ущелье’. В детерминативе отчетливо выделяется древняя образная основа **хавч* ‘нечто приплюснутое, сплющенное, сжатое с двух сторон, притиснутое’ и словообразовательный формант *-л* (ср. монг. *хавчгар/ хавтгар*, бур. *хобишогор*). Анализ производных существительных с образной семантикой показал, что данный суффикс не продуктивен в сфере образного субстантивного словообразования. Однако зафиксированы образные прилагательные с формантом *-л*: *аржил* ‘шершавый’, *арчил* ‘морщинистый’, *ханхиал* ‘долговязый’ и др., что позволяет предположить, что в случае с лексемой *хавцал* мы также имеем дело с субстантивацией прилагательного.

Данное предположение подтверждается наличием синонимичного географического термина *хавцгай* ‘утес, отвесная скала, крутая скала; узкое ущелье, падь’, ст./п.монг. *qabçiyai*, бур. *хабсагай* ‘скала, утес, каменистые гольцы’, зап. ‘предгорье’, як. *ханчагай*. Аффикс *-гай/ -гой/ -гий*, образующий образные прилагательные от 9% образных основ, представляет собой фонетический вариант аффикса *-гар*, возникший в результате усечения конечного согласного *-р* и преобразования краткого гласного в дифтонг: *майжгий* ‘искривленный, стоптанный’, *нялцгай* ‘липкий’. Известны следующие примеры субстантивации образных прилагательных на *-гай*: *голдгой* ‘овал’, *годгой* ‘кончик хвоста бараньего курдюка’, *далбагай* ‘капуста’, *хавтгай* ‘доска; дикий верблюд’, *цэлцгий* ‘студень’ и др.

В ССМ термины представлены в составе топонимов: *Qaraun-qabcal* [§150, 177] и *Jerene-qabciqaya* [§129, 201], возможно, от *зээр(эн)* ‘дзерен, антилопа’, бур.

зурэн 'сайга, антилопа'. По версии М.Н. Мельхеева, топонимы *Зерентуй*, *Горный Зерентуй* (Забайкальский край) связаны с названием животного *джерень* / *зерень* / *ерень* – вид антилопы (зобатая газель), которая в прошлом действительно обитала с Юго-Восточном Забайкалье [Мельхеев, 1969, с. 128–129].

Развитие в корне **qab* (варианты – *qabč*/ *qabt*/ *qabq*) признаков 'плоский, приплюснутый', на наш взгляд, связано со звуком захлопывающихся плоских предметов, ср. мо. *хав* 'хап, звук хватания, кусания зубами (о собаке)', *хавших* 'щёлкать, издавать треск'. Среди производных данных корней следует отметить: п.-мо. *qabtang*/ *qabtaγ*, мо. *хавтан*/ *хавтаг* 'плоскость', калм. *хавтх*, ойр. *хавтаһа* 'карман'; мо. *хавтга*/ *хавтарга* 'сумка; ридикюль; переплёт'; мо. *хавтас* 'папка; доска', мо. *хавтгар* 'плоский, сплюснутый', мо. *хавтгай*, калм. *хавтха*, ойр. *хавтһаа* 'что-либо плоское; плоский; дикий верблюд'; п.-мо. *qabqay*, мо. *хавхаг*, бур. *хабхаг*, ойр. *хавхаг* 'крышка; клапан', калм. *хавхг* 'глиняная конусообразная затычка с углублением для винокурного котла, в которую вливали жертвенный напиток'; п.-мо. *qabq-a*, мо. *хавх(ан)*, 'капкан, ловушка', калм. *хавх* 'капкан; дверь, ворота', ойр. *хавха* – id.

Доминирующая роль образных слов в образовании ландшафтной лексики свидетельствует о том, что форма, будучи одним из параметров физического объекта, выступает как фактор, действовавший на древнем этапе синтеза словесного описания зрительно воспринимаемого пространства. В целом, ландшафтная лексика, интерпретированная в диахроническом аспекте, может рассматриваться как один из источников для выявления процессов формирования монгольских языков. С ее помощью нам удалось уточнить исходные принципы развития семантики орографических терминов, а также выявить отражение в данном пласте терминологии значимых моментов становления картины мира этноса.

Литература

- Дамдинов Д.Г. О топонимике бассейна реки Онон // Ономастика Бурятии / Тр. Бурят. ин-та обществ. наук. Сер. языковедческая. Улан-Удэ, 1976. Вып. 26. С. 178–202.
- Жамсаранова Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003.
- Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
- Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969.
- Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста, 1990.
- ЭСТЯ, 2000. – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». М., 2000.